

Гильермо дель Торо
Дэниэл Краус

Охотники на Тrolls

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.9(72)
ББК 84(7Мек)-44
Г47

Печатается с разрешения Stygian, LLC с/о Martha I. Contreras, deBlois, Mejia & Kaplan LLC in association with Creative Works Group LLC и литературных агентств C. Fletcher & Co, LLC и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского
Наталии Рокачевской

Торо, Гильермо дель, Краус, Дэниэл.

Г 47 Охотники на троллей / Гильермо дель Торо, Дэниэл Краус. - Москва : Издательство АСТ, 2016. - 352 с.
ISBN 978-5-17-094151-3

Раз, два, три, четыре, пять... я иду тебя искать...
В нашем городе пропадают дети. Взрослые, конечно же, не верят, что виноваты тролли. Взрослые никогда не верят в сказки...

Но что, если эти сказки сами придут в нашу жизнь? Сможем ли мы тогда спастись?..

Гильермо дель Торо – известный режиссер, снявший такие фильмы как «Лабиринт фавна» (2006), «Тихоокеанский рубеж» (2013) и «Багровый пик» (2015). Вместе с режиссером и лауреатом нескольких литературных премий Дэниэлом Краусом Гильермо дель Торо написал удивительную фэнтези-страшилку, которая придётся по душе всем поклонникам «Лабиринта фавна» и остальных фильмов дель Торо.

УДК 821.111-312.9(72)
ББК 84(7Мек)-44

ISBN 978-5-17-094151-3

© Stygian LLC, 2015
© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается моим детям и времени надежд
и мечтаний.*

Пусть оно продлится чуть дольше.

Гильермо дель Торо

Посвящается Крейгу Уэллету

Дэниэл Крауз

*Меня зовут троллем,
Что луну пожирает,
Гигантом, что дышит, как буря,
Проклятием, хлещущим с неба,
И спутником вечным сивилл,
В ночи грохочущим магом,
Глотающим звезды с небес.
Неужто я кто-то другой?*

Браги Боддасон старый, поэт IX века

ПРОЛОГ

ЭПИДЕМИЯ МОЛОЧНЫХ ПАКЕТОВ

Ты просто еда. Мышцы, что ты напрягаешь, чтобы ходить, подниматься и говорить? Это куски мяса, приправленные тягучими жилами. Кожа, которой ты уделяешь столько внимания перед зеркалами? Деликатес для знатоков, сочная корочка запеканки. Кости, дающие тебе силы пробивать путь в жизни? Они хрустят на зубах, когда костный мозг высосан и ухнул вниз по склизкой глотке. Все это неприятно слышать, зато полезно. Но, видишь ли, есть создания, что не дрожат в углу, ожидая, пока мы схватим их и поджарим на костре. Эти создания сами ловят свои жертвы, разводят собственные костры и обладают собственным аппетитом.

Джек Старджес и его младший брат Джим ничего этого не знали, когда мчались на великах по руслу канала в родном городе Сан-Бернардино в штате Калифорния. Это случилось 21 сентября 1969 года, в чудесный день давно исчезнувшей эпохи: закатные лучи солнца озаряли пики горы

Слафнисс к востоку от города, и мальчики слышали доносящееся с улиц жужжание газонокосилок, ощущали запах хлорки из бассейнов и дымка от жарящихся гамбургеров из чьего-то гриля.

Высокие стенки канала позволяли оставаться невидимыми и служили превосходным укрытием для соревнования по стрельбе. В этот день, как обычно, сражались Могучий Виктор (Джек) и Доктор Икс (Джим), они свернули в сторону груды булыжников, чтобы пострелять из пластиковых лазерных пистолетов. Могучий Виктор, как всегда, выигрывал, на сей раз совершенно определенно, и все из-за нового велика: вишневого велосипеда марки «Спорткрест», такого новехонького, что с него еще свисали подарочные ленточки после дня рождения. В тот день Джеку исполнилось тринадцать, но он катил на подаренном велике, словно рассекал на нем всю жизнь — вверх по убийственно крутым берегам, через заросли сорняков, иногда без помощи рук, чтобы сделать точный выстрел.

— Тебе в жизни меня не догнать! — крикнул Могучий Виктор.

— А вот и догоню! — выдохнул Доктор Икс. — Я просто... подожди... Эй, Джек, погоди!

Джим, или Джимбо, как звал его брат, поправил сползающие с потного носа очки с толстыми стеклами, сломанные и обмотанные пластырем. Ему исполнилось восемь, а выглядел он еще младше. Его потрепанный желтый «Швинн» был не только меньше «Спорткреста», но и велик для Джима, так что мальчик едва доставал до педалей. Отец уверял Джима, что он дорастет до них, но тот все никак не мог дождаться, когда же это

произойдет. А пока ему приходилось стоять на педалях, чтобы заставить их крутиться, и потому хорошо стрелять было трудновато. Доктор Икс был обречен.

«Спорткрест» прорвался сквозь кучу мусора. Джим последовал за ним секундой спустя, заставив колеса завизжать, но увидев помятый пакет из-под молока, обогнул его. На картонке было отпечатано лицо улыбающейся девочки и слова «ПРОПАЛ РЕБЕНОК». У Джима пробежали мурашки по коже. Так принято сообщать о пропавших детях, а теперь их стало множество.

Первый пропал год назад. В Сан-Бернардино собрали поисковые отряды и команды спасателей. Потом пропал еще один ребенок. И еще один. Некоторое время горожане пытались разыскивать каждого. Но вскоре дети стали пропадать через день, и взрослые ничего не могли с этим поделать. Для Джима страшнее всего было видеть покорность судьбе на лицах лишившихся сна родителей. Они сдались перед злом, забиравшим детей, и, разливая семье молоко, пытались не обращать внимание на отпечатанные на пакете лица и внушающие ужас слова:

«ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ?»

Как слышал Джим, к этому времени насчитывалось уже сто девяносто пропавших детей. Это число показалось бы фантастическим, если бы не свидетельства, которые он видел повсюду: высокий забор вокруг школы, все больше родителей, охраняющих игровые площадки, полиция, запрещающая детям появляться на улицах после наступления темноты. То, что Джима и Джека отпустили кататься на великах незадолго до заката, было

весьма необычно, но в день рождения Джека родители не могли ему отказать.

Джек не стал терять времени, пытаясь как-то украсить велосипед. Он взял транзисторный радиоприемник и прикрепил его проволокой к сверкающему красному рулю. Потом включил радио на полную громкость, и весь вечер их сопровождали самые веселые хиты дня: «Сладкая моя», «Горячее летнее веселье» и «Гордячка Мэри». Трудно представить эти песни в качестве идеального сопровождения к залпам из лазерных пистолетов Могучего Виктора и Доктора Икс, но тем не менее это так. Пока Джиму удавалось не думать о молочных пакетах, этот вечер мог бы стать лучшим в его жизни.

Радио на руле велосипеда Джека заиграло новую песню, «Как тебя зовут?» в исполнении дуэта «Дона и Хуана». Песню о любви, Джим ее не очень-то любил, но по какой-то причине томные напевы отвечали настроению угасающего дня. Солнце быстро садилось, на следующий день снова в школу, и эти полкилометра езды могли оказаться последним проблеском лета, пока учеба не погасит его, как свечу.

Джим прищурился на солнце. Он заметил Джека, крутящего педали так быстро, что с его пути разлетались птицы, да так и не приземлялись по пути на юг. Джек заулюлюкал, и под «Спорткрестом» затанцевали сухие листья. Всего через несколько секунд Джек промчится под Голландским мостом, монолитом из бетона и стали. Наверху по нему ехали несколько машин, но внизу лежали такие глубокие и черные тени, что даже глазам больно смотреть.

Нужно догнать брата. Джим хотел, чтобы они добрались до дома на равных — как Джек и Джим Старджесы, а не как постоянный победитель и проигравший, Могучий Виктор и Доктор Икс. Джим встал на педали и приналег изо всех сил. Изношенные колеса возмутились: скрип, скрип, скрип! Но он продолжал крутить педали. Как же ему хотелось, чтобы ноги стали длиннее и сильнее!

Когда он снова поднял глаза, Джек пропал.

Джим увидел лежащий под мостом «Спорткрест», его силуэт очерчивало низкое солнце — руль погнут, а переднее колесо еще вращается. Мост быстро приближался, Джим крутанул педали назад, «Швинн» занесло, и велосипед остановился в нескольких метрах от тени под мостом. Джим оседлал центральную перекладину и, тяжело дыша, вглядывался в поисках брата в самые темные углы.

— Джек?

Переднее колесо «Спорткреста» по-прежнему вращалось, словно призрак брата еще налегал на педали.

— Ну же, Джек. Не дури. Ты же не хочешь меня напугать.

Ответили ему лишь «Дона и Хуан». Эхо превратило сладкий напев в мрачное завывание:

Я стою на углу, дожидаясь тебя,

Мое сердце дово-о-о-о-ольно...

С приглушенным треском неподалеку зажглись фонари, один за другим заполнив канал желтоватым свечением.

Это значило, что наступил вечер — не время валять дурака.

— Если мы сейчас же не вернемся домой, папа запрет нас на несколько недель, Джек!

Джим сглотнул, слез с велосипеда, сжал в потной ладонке лазерный пистолет и бочком обошел велосипед, пока не оказался во мраке под мостом. Здесь было градусов на десять холоднее, и он поёжился. Теперь раскрученные колеса вращались медленнее, но по-прежнему жалобно постанывали:

СКРИП. СКРИП. СКРИП.

Он подошел к «Спорткресту». Переднее колесо стало замедлять темп. И вдруг ему почудилось, будто это колесо — сердце Джека, и если оно остановится, брат навсегда исчезнет.

Джим всмотрелся в бездонную тьму. Не обращая внимание на капли влаги, топот чьих-то ножек, наверняка крысиных, гул автомобильных колес над головой и убийственные завывания «Дона и Хуана», он сорвался на крик:

— Джек! Выходи! Ты не поранился? Джек, я серьезно!

Он в ужасе сжался, когда эхо вернуло слова обратно. Желтый свет фонарей, фиолетовое небо, липкий холод, издевательское эхо его собственной паники — неужели превращение мечты в кошмар происходит так быстро? Он поворачивался, вглядываясь то в одну тень, то в другую, все быстрее и быстрее, грудь сдавили рыдания, щеки покраснелись от страха, и тут он понял, что в одном направлении еще не смотрел.

Джим медленно вытянул шею, чтобы посмотреть вверх, на изнанку моста.

Она была черна. Сплошная чернота. Но потом чернота шевельнулась.

Это произошло естественно, почти с изяществом. Огромные и могучие конечности отделились от бетона, словно хотели ухватиться за него поудобнее. Нечто размером с огромный валун — голова — повернулось, и Джим различил горящие оранжевым огнем глаза. Существо сделало вдох, и по чреву моста будто пробежала рябь. Потом выдохнуло, и Джима смела струя смрадного ветра.

Существо отцепилось от моста и спрыгнуло на землю. Во все стороны брызнула грязь, а мусор взлетел высоко в воздух, и в этом водовороте Джим заметил молочные пакеты — два, три, четыре, пять пакетов, они скакали и кружились, улыбки пропавших детей насмеялись над собственной смертью. Существо встало на задние лапы, как гризли, и свет уличных фонарей сверкнул на двух рогах, царапающих бетон у него над головой. Пасть открылась, обнажив огромные кривые зубы. Оранжевые глаза впились в Джима. А потом к нему потянулись руки — длинные мускулистые удавы, покрытые косматой шерстью.

Джим закричал. В тоннеле под мостом крик прозвучал в десять раз громче, существо на секунду застыло. Джим воспользовался этой секундой, вскочил на «Швинн» и оттолкнулся от земли. Левая нога задела радиоприемник Джека, заставив «Дона и Хуана» раз и навсегда замолчать, а потом он промчался под Голландским мостом, не прекращая кричать, ноги бешено крутили педали.

За спиной он слышал топот громадины, преследующей его на четырех конечностях, как горилла.

Замычав от ужаса, Джим нажимал на педали сильнее, чем когда-либо в жизни. Скрип колес превратился в вопль. А существо всё приближалось. Земля содрогалась при каждом шаге чудовищных лап. Существо по-бычьей фыркало и выдыхало зловоние, как из канализации. Пластиковый лазерный пистолет выпал из ладони Джима; никогда больше мальчик не ощутит ловкость и силу Доктора Икс. Существо за спиной рычало так близко, что рама велосипеда вибрировала. Фонари отбрасывали жуткие тени от пытающейся дотянуться до Джима руки зверюги с длинными и острыми когтями.

Джим свернул влево, выскочил из канала, продравшись сквозь сорняки, и ринулся в переулок. Прямо перед ним оказался пожарный гидрант, красный, как подарочный велосипед Джека, — ох, Джек-Джек, что же с ним произошло? Джим обогнул гидрант и рванул на середину улицы. Машины на пути сигналили и виляли. Джим не обращал внимание на сердитые окрики. Он мчался в точности как брат, наконец-то научившись правильно ездить на велосипеде, а шины рвались на кусочки и скакали по улице бесполезными клочками резины.

Дом вон там, осталось всего несколько секунд, и Джим из последних сил устремился к нему, в груди свистело, когда мальчик пытался вдохнуть, слезы струились по щекам горизонтально. Велосипед налетел на бордюр, подпрыгнул и врезался в белый заборчик. Джим кувырнулся и шлепнулся на лужайку перед домом, исцарапав лицо в маминых подстриженных кустах, очки снова сломались.

Внутри залаяла собака. Джим услышал шаги, запахнулась дверь, мама и папа шумно заспешили вниз по ступеням. Джим осознал, что еще кричит, и это напомнило ему о зверюге. Он схватил обе половинки очков и приложил их к глазам. Пусто.

Он осмотрел палисадник, тихие дома пригорода, почтовые ящики, цветочные клумбы, разбрызгиватели. Никаких чудовищ, но у своих ног он заметил кое-что еще.

Бронзовый медальон на ржавой цепочке. На нем выгравирован зловещий геральдический символ: омерзительное огрызающееся лицо, неразборчивые буквы варварского языка и великолепный меч под ними. Рыдания застряли у Джима в груди, и он потянулся за медальоном.

— Джим! Что случилось?

Мама упала рядом на колени, смахивая комки грязи с его ушей. Тут же подоспел и папа, опустившийся на колени перед Джимом, он потряс мальчика за коленку, чтобы привлечь его внимание. Оба снова и снова повторяли его имя: Джим. Ужасно, что никто больше не назовет его Джимбо.

— Посмотри на меня, дружок, — сказал папа. — Не ушибся? Все хорошо? Дружок?

— Где твой брат? — хрипло прошептала мама, будто что-то знала. — Джим, где Джек?

Джим не ответил — вместо этого он отклонился в сторону, чтобы заглянуть папе за спину. На траве остался след, но медальон исчез, если только он там был. Джима охватило странное чувство печали из-за пропажи медальона и еще более сильное ощущение собственного провала.

Он с рыданиями рухнул на руки родителей, понимая, что познал истинную природу страха, боли и потери.

Джим Старджес — мой отец. Джек Старджес — дядя. Историю, которую я только что рассказал, я узнал лишь сорок пять лет спустя, когда мне исполнилось пятнадцать. Именно тогда я узнал, что дядя Джек стал последним ребенком, исчезнувшим во время Эпидемии молочных пакетов, которая закончилась так же быстро, как и началась. Сломанный «Спорткрест» стал семейной реликвией, я видел его сотни раз. Как раз тогда, в пятнадцать, я узнал, чем отец занимался в последующие десятилетия, всю свою юность и большую часть взрослой жизни, — приходя по ночам к Голландскому мосту с фонариком в руке в поисках следов, которые могли бы привести к старшему брату. Но их не нашлось, лишь его храброе улыбающееся лицо на молочных пакетах с надписью «ПРОПАЛ».

Превосходный способ описать отца через столько лет.

Часть 1

В КАНАЛИЗАЦИИ

1

Современные источники утверждают, что историческая и решающая Битва Палой листвы состоялась в последние две минуты четвертого тайма на мемориальном поле Гарри Дж. Бликера в школе Сан-Бернардино, где играли обожаемые «Боевые монстры» из Сан-Бернардино, вырвавшиеся вперед всего на шесть очков, когда нашего великолепного нападающего удалили с поля. Именно тогда, во время важнейшей игры года, и там, на росистой траве, пал храбрый герой и возник неожиданный победитель. Рассказы о том дне питают сны детей всех возрастов — как человеческих, так и прочих. Так что вчитайся в эти страницы. Продвигайся вперед и верь каждому слову. В конце концов, однажды тебе захочется поведать эту историю собственным детям.

Произошло много удивительного. Просто подожди немного, сам узнаешь.